

Козни, плетущиеся за его спиной, Сяо Чжигэ мог разгадать без лишних усилий. Враги всего лишь намеревались воспользоваться беспорядками в южных провинциях, чтобы направить императору донос на наследного принца. Чем серьезнее ситуация, тем тяжелее вина, возлагаемая на наследника. И пусть им не удастся лишить его прав на престол с первого раза, они хотя бы очернят его имя. А если репутация наследного принца испорчена, его положение становится шатким.

Кан Хун подъехал ближе, приветствовал Сяо Чжигэ и его спутников и провел их в город.

Проезжая по улицам, они видели лишь запустение, разрушенные дома и темно-красные пятна крови на земле, которые еще не успели смыть... Все это свидетельствовало о недавних кровавых событиях. Кан Хун был далеко не так бесполезен, как бездарный Цзоцю: беженцы не смогли захватить сам город и после вспышки мятежа постепенно овладели лишь соседними округами и уездами.

Сейчас в городе царило относительно спокойствие, однако простые жители не смели выходить за ворота и даже на улицы, предпочитая целыми днями прятаться по домам. Повсюду видна была городская стража, и атмосфера оставалась крайне напряженной.

Сяо Чжигэ сдержал чувства, спешил и последовал за ним в усадьбу. Не церемонясь, он занял главное место в зале и спросил:

— Как обстановка в Юнчжоу?

Кан Хун уже слышал о его жестокой расправе в Цинчжоу, поэтому в его глазах блеснула настороженность. С осторожностью он ответил:

— Бунтовщики захватили округ Гуанпин, где и сосредоточены их основные силы. Подчиненный отправлял людей с предложением сдаться, но мятежники наотрез отказались. Позже мы несколько раз сходились с ними в бою, однако среди беженцев появился советник недюжинного ума, и даже я понес урон. С тех пор я не предпринимал активных атак, ожидая прибытия князя, чтобы вы взяли руководство на себя.

Сяо Чжигэ лишь равнодушно хмыкнул, оставив его слова без внимания, и вымолвил:

— Воины изнурены долгой дорогой, кони выбились из сил. Обсудим это позже.

Кан Хун обомлел и с тревогой возразил:

— Разве можно откладывать подавление бунта? Подчиненный слышал, что в Цинчжоу князь усмирил мятеж, не потеряв ни единого солдата, что вызывает искреннее восхищение. Но в Юнчжоу ситуация совсем иная! Здешние беженцы свирепы и пощады не знают. Если не покончить с ними как можно скорее, это приведет к еще большей беде!

— Раз генерал Кан сумел дождаться моего прибытия, значит, дело не такое уж срочное, — Сяо Чжигэ окинул его холодным взглядом и поднялся. — Я устал и отправляюсь отдыхать. Вернемся к этому в другой день.

Не обращая внимания на побледневшее лицо Кан Хуна, он вышел.

Кан Хун долго смотрел ему вслед с мрачным выражением лица и лишь спустя время подозвал подчиненного:

— Следите за ними. О любых их шагах докладывать незамедлительно.

Прибыв в Юнчжоу, Сяо Чжигэ и впрямь не проявлял ни малейшей спешки. В нем не осталось и следа той решительности и стремительности, с которой он действовал в Цинчжоу. Он не привлекал к ответу местную знать Юнчжоу и не спешил отправлять войска, чтобы сравнять с землей округ Гуанпин. Кан Хун трижды приходил к нему с расспросами, но тот лишь повторял, что обсудит все позже.

Кан Хун не мог разгадать его замыслов, отчего ходил с мрачным видом несколько дней подряд.

Властная знать Юнчжоу тоже была вне себя от тревоги. В тот день они собрались вместе, чтобы обсудить дальнейшие действия.

Изначально они не принимали Бэйчжань-вана всерьез. Каким бы свирепым ни был этот кошмарный воитель, даже могучему дракону не одолеть здешнюю змею. Пусть на севере он чувствует себя как рыба в воде, но явившись на юг, разве не придется ему плясать под их дудку? В крайнем случае все решится парой кошелей серебра. Но кто мог подумать, что он вовсе не признает никаких правил? Не пробыв в Цинчжоу и трех дней, он безжалостно казнил всю семью Ши! Такое хладнокровие заставляло кровь стынуть в жилах.

Привыкшие иметь дело с чиновниками, знатные роды привыкли говорить с оговорками и дипломатично, но они еще никогда не сталкивались с таким ходячим богом смерти, который убивает сразу, не дав сказать ни слова. Теперь каждый опасался за свою жизнь.

Не дожидаясь, пока Сяо Чжигэ прибудет в Яньчжоу, они отправились к главному военачальнику Кан Хуну.

За эти годы не только вельможи из Ецзина, но и сам Кан Хун вместе с армией Юнчжоу ежегодно получали от них немалые суммы. И в обмен Кан Хун, разумеется, обязался их защищать.

Знатные господа долго шумливо спорили, но так и не смогли ни к чему прийти. Лишь когда явился Кан Хун, в зале мгновенно воцарилась тишина.

Кто-то с нетерпением спросил:

— Генерал Кан, что скажете?

Кан Хун сохранял суровое выражение лица. Окинув присутствующих взглядом, он произнес:

— Раз я обещал защитить вас, к чему устроили этот переполох?

Знать лишь подумала про себя: одна ошибка — и весь род пойдет под топор! Как тут не переживать? Однако авторитет Кан Хуна был слишком велик, и никто не решился открыто перечить ему. Лишь один из них нерешительно пробормотал:

— Но... ведь речь идет о жизни и смерти наших семей...

Кан Хун окинул говорившего холодным взглядом:

— И что с того, что он Бэйчжань-ван? Без улик даже он не посмеет убивать людей просто так. К тому же главный военачальник Юнчжоу — я. И если кого-то судить или казнить, это должно

проходить через мои руки. Сидите спокойно по домам и держите своих домочадцев в узде. Впредь без крайней нужды ко мне не ходите. Пока я здесь, вам ничего не угрожает.

Знатные господа переглянулись и были вынуждены кивнуть в знак согласия.

— Кан Хун ходил к ним? — Сяо Чжигэ стоял у окна, выслушивая доклад Се Лина.

— Да, но, похоже, обе стороны остались недовольны встречей. Полагаю, через несколько дней кто-нибудь принесет вам повинную, — ответил Се Лин.

Сяо Чжигэ с самого начала задумывал именно такой ход. Юнчжоу отличался от Цинчжоу. Там Цзоцю был бездарен и глуп, и войска не питали к нему верности, поэтому Сяо Чжигэ мог решительно отрубить ему голову и взять Цинчжоу под свой полный контроль, не опасаясь помех. Однако Кан Хун обладал боевыми заслугами и проявлял заботу о воинах, отчего армия Юнчжоу глубоко уважала его. Сяо Чжигэ не мог действовать против него в открытую. Из-за этого разрешить дело в Юнчжоу было не так просто, как в Цинчжоу. Оставалось лишь тайком собирать улики, пока они томились в неведении.

Кан Хун действовал жестко, и юнчжоуская знать все же побаивалась его. Им приходилось не только сдерживать себя от откровенного произвола, но и добровольно подносить ему деньги и людей. При этом их союз вовсе не был нерушимым. К тому же, имея перед глазами суровый урок семьи Ши, не прошло бы много времени, как кто-то из них сам пришел бы с изъявлением покорности.

Сяо Чжигэ слегка кивнул и спросил:

— А что в округе Гуанпин?

— Нашим людям удалось встретиться с вожаком мятежников. Судя по собранным сведениям, среди беженцев образовались две силы. Первая — простые люди, их много, но среди них полно стариков, женщин и детей. Вторая — шайка разбойников, их меньше, но все они молодые, крепкие мужчины и обучены военному делу. Отношения между ними натянутые, это лишь временный союз.

На лице Сяо Чжигэ появилось задумчивое выражение. Он постучал согнутыми пальцами по подоконнику и заметил:

— Насколько мне известно, первыми в Юнчжоу подняли бунт именно разбойники?

— Верно. Беженцы примкнули к ним позже. Но поскольку разбойники действуют крайне жестоко, обе группы постепенно и раскололись.

— Постарайтесь как можно скорее склонить на нашу сторону вожака беженцев и выясните подноготную разбойников, — Сяо Чжигэ заложил руки за спину и добавил: — Проверьте, не связывались ли они с Кан Хуном или его окружением.

Се Лин принял приказ и удалился. Сяо Чжигэ сел за письменный стол и достал из-за пазухи письмо из дома, чтобы перечитать его.

Едва прибыв в Юнчжоу, он получил это письмо. Прочитав его, он не захотел сжигать послание и решил носить его у самого сердца. Стоило ему соскучиться по Ань Чанцину, как он доставал

его и перечитывал. Иероглифы на бумаге были выведены ровно и изящно. Глядя на них, Сяо Чжигэ четко представлял, как тот сидит в кабинете, слегка наклонив голову, и со светлой улыбкой на лице выводит черту за чертой.

Поглаживая конверт большим пальцем, Сяо Чжигэ смягчился в лице. Он бережно сложил письмо, убрал его обратно за пазуху и лишь после этого поднялся, чтобы уйти.

Расчет Сяо Чжигэ оказался верен. Не прошло и пяти дней, как некто тайно разыскал Се Лина и передал ему повинную с признанием.

Удачно совпало, что Се Лин как раз нащупал нить расследования. Сверив полученные данные с этой повинной, он с улыбкой отправился к Сяо Чжигэ.

Он положил перед Сяо Чжигэ донесения лазутчиков и счетную книгу, доставленную семьей Линь:

— Князь угадал безошибочно. Сии разбойники действительно поддерживали связь с адъютантом Кан Хуна.

— Более того, судя по наблюдениям лазутчиков, манера их действий вовсе не похожа на обычных разбойников. Они скорее напоминают... обученных солдат.

Вспомнив, что именно эта группа разбойников первой подняла мятеж, Се Лин медленно произнес:

— В этом деле, боюсь, замешаны Кан Хун и третий принц.

Крестьянский бунт начался в Цинчжоу. Первоначально наследный принц направил войска для силового подавления. Кто мог знать, что жесткая расправа лишь разожжет ненависть беженцев и приведет к обратному эффекту: в Юнчжоу и других землях люди один за другим начали поднимать восстания. Искра разгорелась в бушующее пламя, которое докатилось даже до Жуаньчжоу, подступая к самому Ецзину.

Ныне в народе только и гомонят о немилосердии наследного принца, а при дворе на него сыплются доносы. Императору Аньцину приходится, преодолевая болезнь, расчищать грязь за наследником. И напротив, третий принц и его фракция, притихшие было из-за скандала со снадобьями, снова укрепили свои позиции.

Если бы кто-то сказал, что эти первыми поднявшие мятеж разбойники никак не связаны с Кан Хуном, Се Лин не поверил бы ни единому слову.

<http://bllate.org/book/18381/1767864>